Одиссей у циклопов

(ИЗ ПОЭМЫ Гомера «ОДИССЕЯ») 5 Б класс, май 2016 год

Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.

К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру, Густо одетую лавром, пространную, где собирался Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных, Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли

Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны. Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко Пас он баранов и коз, ни с кем из других не водился; Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона; Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен

Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой, Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно. Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге Близ корабля и его сторожить неусыпно, с собой же Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я

С ними; и мы запаслися вина драгоценного...мехом.
Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеком.
Начали все мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах

Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке Там размещенные: старшие —с старшими, средние — подле Средних и с младшими — младшие; ведра и чаши Были до самых краев налиты простоквашей густою. Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,

Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее, Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились. Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить; Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,

Даст нам подарок,— но встретиться с ним не на радость нам было. Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро С ношею дров, для варенья вечерния пищи, явился

Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере, Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов, Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.

Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он Камень, который и двадцать два воза четыреколесных С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной

Был он; его подхвативши и вход им в пещеру задвинув, Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,

Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы, В них он оставил его, чтоб оно огустело до сыра; Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.

Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:

— Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой? Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду, Взад и вперед по морям, как добытчики вольные, мчася,

Жизнью играя своей и беды приключая народам? Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце: Голос гремящий и образ чудовища в трепет привел нас. Но, ободрясь, напоследок ответствовал так я циклопу:

—Все мы —ахейцы, плывем от далекия Трои; сюда же

Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.

В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу...

Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем

Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок

Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.

Ты же убойся богов, мы пришельцы, мы ищем покрова;

Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион...

Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:

—Видно, что ты издалека иль вовсе безумен, пришелец,

Если мог вздумать, что я побоюсь или уважу бессмертных. Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих Ваших блаженных богах...

Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.

Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать Должен я». Так искушая, он хитро спросил. Остерегшись, Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу: —Бог Посидон, колебатель земли, мой корабль уничтожил,

Бросив его недалеко от здешнего брега на камни Мыса крутого, и бурное море обломки умчало. Мне ж, и со мною немногим, от смерти спастись удалося». Так я сказал, и, ответа не дав никакого, он быстро Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,

Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил Оземь; их череп разбился, обрызгало мозгом пещеру... Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно Между козлов и баранов на голой земле растянулся. Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца.

Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень. Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне: С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель: Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры

Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.

С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос;
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он

Клал сосуна; окончивши с заботливым спехом работу, Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу. Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры. Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают. С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо. Я ж, в заключенье оставленный, начал выдумывать средство, Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.

Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро Выглажен был он; своею рукою его заострил я; После, обжёгши на угольях острый конец, мы поспешно Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.

Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть, Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся. Жеребий дал четырех мне и самых надежных, которых Сам бы я выбрал, и к ним я пристал, не по жеребью — пятый.

Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился; Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана... тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду, Полную чашу вина золотого ему предлагая:

— Выпей, циклоп, золотого вина...

...узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая Милость в тебе обрести; но свирепствуешь ты нестерпимо. Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным Крепкий напиток ему показался, другой попросил он

Чаши: «Налей мне,— сказал он,— еще и свое назови мне Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок. Твой же напиток — амврозия чистая с нектаром сладким». Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.

Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.

Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:

— Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок.
Я называюсь НИКТО; мне такое название дали

Мать и отец, и товарищи так все меня величают».

С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:

—Знай же, Никто мой любезный, что будешь ты самый последний

Съеден, когда я разделаюсь с прочими, — вот мой подарок.

Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок

Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой Сон овладел им...

Кол свой достав, мы его острием на огонь положили, Тотчас зардел он; тогда я, товарищей избранных кликнув, Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном

Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих Стали боков — божество в них, конечно, вложило отважность; Кол обхватили они и его острием раскаленным

Втиснули спящему в глаз...

Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.

В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью вырвав

Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,

Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленье

Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром вершинах. Громкие вопли услышав, отвсюду сбежались циклопы; Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты

Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал? Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?» Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким

Ревом: «Никто! Но своей я оплошностью гибну; Никто бы

Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали циклопы: «Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если Болен, то воля на это Зевеса, ее не избегнешь. В помощь отца своего призови, Посидона-владыку». Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалося.

